

Олег Губарь

«Дом с петухом» и его давние обитатели

Наброски к семейному портрету в интерьере

Сегодня лишь единичные старожилы утолят ваше любопытство доверительным сообщением о том, что дом этот некогда принадлежал благородному французу Коклену, фамилия которого несет в себе отчетливые приметы хрестоматийного галльского петуха. А самые просвещенные краеведы прибавят: Кокленов было два – мебельщик и архитектор. Историческая память непредсказуемо, по произволу избирательна. Имею право отбирать и поминать на собственный лад. Одесскими Кокленами никто и никогда всерьез не интересовался. Пришлось изрядно потрудиться. И вот что мне удалось «нарыть» об этом достойнейшем семействе, вложившем свою лепту в копилку общественно-го труда, сформировавшего Одессу.

Пока не знаю даже годов рождения отца и сына Коклен – Варфоломея и Федора Варфоломеевича: метрические записи об одеситах римско-католического вероисповедания сохранились лишь выборочно. Однако эту лакуну с лихвой компенсирует солидный пласт информации, связанной с их занятиями в Одессе на протяжении многих десятилетий.

Коклен отец фигурирует в материалах Государственного архива Одесской области, по крайней мере, с 1817 года, то есть со времен графа А.Ф. Ланжерона, его соотечественника, не исключено, и покровителя. В это время французский подданный Варфоломей Коклен подает в Одесский строительный комитет (ОСК) прошение об отводе ему под застройку участка земли на Военном форштате (не форштадте), в XI квартале, место № 384. Ныне это место – по Ришельевской, второй дом от угла Базарной в сторону Большой Арнаутской по нечетной стороне. По стандартной

процедуре городской архитектор Джованни Фраполли обследовал просимое место и нашел там лишь стену из бутового камня протяженностью немногим более 20 метров.

При сверке документов выяснилось, что место это ранее отвели купцу Настасину, который его в срок не застроил. Комитет проявил снисходительность к прежнему владельцу и дал еще год на застройку. Год спустя, в 1818-м, городская полиция уведомила Комитет, что на самом деле место принадлежит плац-майорше Смирновой,

то есть супруге одесского плац-майора (плац – место для воинских разводов и парадов – находился на территории будущего Пале-Рояля; поручик Ладожского пехотного полка Смирнов был плац-майором уже в 1809-м). В 1819 году Коклен вновь просит тот же участок, и снова осуществляется та же бюрократическая процедура: Фраполли является туда же и находит ту же стену из бута. При этом владелец строения куда-то запропастился (новый хозяин обязан был компенсировать ему сумму от продажи стены на слом), а о Смирновой в документах 1819-1820 годов уже ничего не говорится: то ли полиция ошиблась, то ли плац-майорша не оформила сделку с Настасиним. Как бы то ни было, Коклен этого участка так и не получил.¹

Объясню, почему он так стремился закрепиться именно на Ришельевской. Дело в том, что со времен герцога Ришелье именно на этой улице стали обосновываться лучшие мебельщики. Прибыв в Одессу 8 марта 1803 года, Дюк, как известно, не смог сыскать во всем городе дюжины стульев для своей резиденции и был вынужден выписать мебель из Херсона. По этой причине, занимаясь обустройством немецких колонистов, он призвал в Одессу столяров и краснодеревщиков. И в дальнейшем большая часть

элитарных мебельных (и не только) салонов, преимущественно немецких, располагалась по Ришельевской. До конца 1850-х эта улица считалась главной, и лишь затем уступила первенство Дерибасовской. К этой теме мы вернемся ниже, а пока перейдем к деятельности старшего Коклена вовсе в другом роде.

Активное шоссирование утопающей в грязи Одессы началось вскоре после назначения новороссийским генерал-губернатором графа М.С. Воронцова, однако первые опыты благоустройства развернулись еще в бытность Ланжерона. И здесь скажу без малейшего преувеличения: о деятельном участии в них Коклена сегодня не знает вообще никто. Но – обо всем по порядку.

Начало 1820-х годов ознаменовано сооружением первых более или менее полноценных по тогдашним технологиям шоссе – в наиболее значимых транспортных развязках, прежде всего, на Ланжероновском и Херсонском спусках. Первый служил главной артерией, связывающей город с портом, а по последнему гужевой транспорт въезжал в Одессу со стороны Херсона и Николае-

ва. Собственно говоря, Ланжероновский спуск был продолжением Херсонской улицы, разрезанной на две части после устройства Городского сада и объединения в один кварталов LXIV и LXV.

Шоссе в сказанных местах осуществлялось по единообразной схеме, каковую представляет контракт, заключенный 17 мая 1821 года «с иностранцем Варфоломеем Кокленом о сделании шоссе на дороге к Карантину» за состоявшуюся на торгах цену 17.835 рублей. Он обязывался сделать шоссе к Карантину длиной 165, а шириной 8 погонных саженьей. Технология устройства строго оговаривалась. Вначале следовало вручную вымостить спуск «большим дикарным камнем» толщиной не менее одного фута, либо в два таких камня, уложенных без зазора. Второй слой надлежало вымостить крепким дикарем толщиной в шесть дюймов, третий слой – щебнем. Затем по всему шоссе необходимо было насыпать песку толщиной в 1½ дюйма. При этом верхние слои дозволялось укладывать лопатами, но с обязательной трамбовкой «бабами». Шоссе должна была окаймлять вымощенная камнем канава. Кроме того, подрядчик обязывался установить по обочинам 96 столбов высотой в одну сажень, а толщиной в шесть вершков, нижнюю часть которых следовало обжечь, а верхнюю выкрасить.

Условия заключения подряда предусматривали надежный залог, в качестве которого, как правило, выступала недвижимость. Залог исключал казенные потери в случае неисправности подрядчика. Но поскольку Коклен недвижимости еще не имел, то в залог исполнения выставил дом другого известного подрядчика, купца итальянского происхождения Симона Томазини, находившийся в XVII квартале Военного форштата, на месте № 145 (это угол нечетной стороны Польской улицы и Полицейской), оцененный Городским магистратом 9 января 1819 года в 35.200 рублей. Вся работу надлежало окончить не позднее сентября 1821 года. Как видим, устройство шоссе было далеко не простым, затратным, трудоемким делом.²

Почему мы знаем, что спуск к Карантину устраивался именно со стороны Ланжероновской улицы (здесь теперь лестница, ведущая от Литературного музея на Таможенную площадь)? Да потому, что об этом прямо говорится в докладе небезызвестного военного инженера И. Круга, зафиксированном в журнале ОСК

от 20 марта 1822 года. 13 сентября 1821 года он по приказанию градоначальника Н. Трегубова составил смету на «исправление трубы при спуске в Карантин по Ланжероновой улице суммою на 285 рублей». Подрядчик Коклен, сообщил приемщик, работу произвел, и ему следует заплатить 482 рубля 19 копеек.³ Уточним, что «трубой» в данном контексте именуют коллектор для стока воды. Что касается «переплаты», то она объясняется тем, что первичные расчеты Круга, судя по всему, не учитывали стоимость казенных материалов.

Итак, мы имеем все основания утверждать, что В. Коклен – активный участник благоустройства Одессы на одном из первых и сложнейших этапов ее существования. Вместе с тем в этом контексте можно оценить масштаб личности: стало быть, он уж никак не тривиальный «мебельщик», а, что называется, человек-оркестр, разносторонне одаренный, образованный, практичный, да еще и отважный, рискованный. Сколько его коллег обанкротилось на столь сложных, буквально авантюрных подрядах, – в их числе фигуры, стоявшие на иерархической лестнице значительно выше: возьмем, к примеру, того же Феликса де Рибаса. Коклен не убоился и вышел победителем. Доход от подрядов в сочетании с другими занятиями, умение находить надежных деловых партнеров, личные качества – все это позволило ему прочно встать на ноги. Во всяком случае, уже в пушкинское время Коклен решил обзавестись пристойной недвижимостью.

Сюжет этот зафиксирован в одном из архивных дел за июль-сентябрь 1824 года. 13 августа 1824 года «одесские жители Варфоломей Коклен и Федор Шарпантье» купили у «штабс-капитанши Шостаковой» место с существовавшей на ней постройкой – в 1-й части города, в LXVII квартале, под № 732.⁴ Это нынешнее место дома Коклена на углу Преображенской улицы и Казарменного переулкa плюс смежное по переулку, в целом половина длины переулкa. О какой постройке, однако, идет речь, и где именно она располагалась?

Застройка означенного квартала началась с некоторым запозданием, поскольку он примыкал к офицерским флигелям (нынешняя улица Гоголя, на бровке плато над Военной балкой) и Военно-морскому госпиталю (нынешний бульвар Жванецкого)

Архивное дело 1852 г. об утверждении фасада на дом Коклена

и составлял как бы эспланаду.⁵ Участки под застройку стали отводить здесь после 1803 года. Искомое строение впервые находим на плане Франческо Фраполли 1807 года⁶ – по красной линии Преображенской улицы, но не доходящим до угла переулка, то есть угловое место, как и вся остальная часть участка, не застроены. Это же строение обозначено и на плане 1814 года, но здесь появляется стоящий параллельно посередине участка, торцом к переулку, еще и флигель. На плане второй половины 1820-х⁷ угловое место не застроено, зато упомянутый флигель со стороны переул-ка расширен и сопровождается небольшими дворовыми хозяйственными постройками.

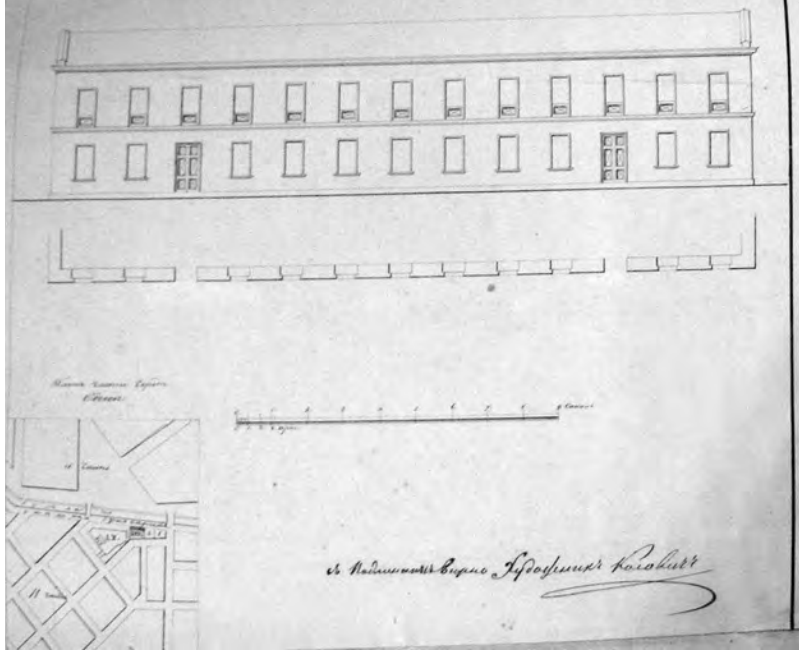
Другими словами, возведенный в начале 1850-х (об этом – ниже) «Дом с петухом» лишь частично мог включить в себя предшествующие постройки.

К большому счастью, литературные и архивные первоисточники сохранили любопытную информацию о строениях, приобретенных Кокленом и его партнером у весьма авторитетного в юной Одессе семейства Шостак (о котором можно написать объемистую монографию: скажем, А.И. Шостак – сподвижник Иосифа де Рибаса, один из первостроителей города). Упомянутые источники, кроме всего прочего, фиксируют датировку и функциональное назначение флигеля со стороны переулка и сооружения вдоль Преображенской.

Следующий иллюстративный эпизод связан с трагической судьбой генерала от инфантерии графа Н.М. Каменского, выдающегося российского воина, героя многочисленных кровопролит-

Задача на постройку по плану Магазина Александровских
 Курьеров Государственной Конной Полиции, на принадлежащих ему по куп-
 кой Кривошеи земель, расположенных в Заставной Восточной прибал-
 тинской губернии в VIII квартале под № 3, по журналу Алек-
 сандровского Строительного Комитета, составленного Декабря 1856
 года:

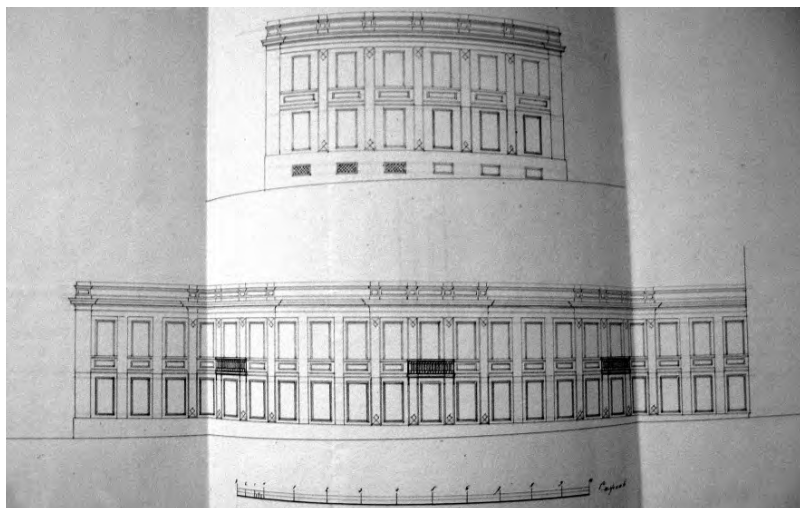
Взяло Московский Член Училища Живописцев Майор

Фасад и план дома Коклена на Внешнем бульваре

ных сражений. Под началом главнокомандующего Молдавской армией Каменского, в частности, служили граф М.С. Воронцов и будущий министр А.А. Закревский. 1 мая 1811 года Закревский писал Воронцову из Тирасполя о том, что везет умирающего Каменского из Бухареста в Одессу, где тот и скончался.⁸ Известно точное место кончины генерала – дом его наставника по Кадетскому корпусу капитана артиллерии Шостака, по Преображенской улице, близ нынешнего Казарменного переулка⁹. После отпевания и литургии (28 мая) в одесской соборной церкви тело покойного в сопровождении Закревского и свиты 5 июня увезли для захоронения на родину, в село Каменское Орловской губернии. При этом по недостатку средств Закревскому пришлось даже занять у того же Шостака 20 тысяч рублей ассигнациями на транспортировку тела и нужды сопровождающего обоза, оставив соответствующее заемное письмо.

Что из этого следует? А то, что жилой флигель к этому времени был уже построен, а вдоль Преображенской явно стоял магазин (склад, амбар), каковые частные и казенные магазины располагались рядом и на противоположной стороне улицы, и по

Проект перестройки фасада «Дома с петухом»

Софиевской. Этот магазин зафиксирован оценочной ведомостью недвижимости для уплаты соответствующего налога в городской бюджет как раз накануне покупки – с 30 апреля 1824 года. Отсюда мы узнаем, что оценено это домостроение в 4.000 рублей, сумму довольно значительную по тем временам. Шостаки (возможно, деловые партнеры Коклена) могли расстаться с этой недвижимостью, ибо имели поблизости немало другой.

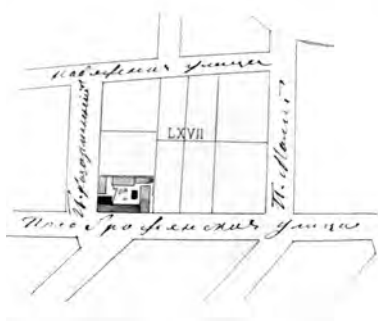
Следующий момент: «Дом с петухом» – довольно значимое мемориальное место буквально с первых эпох существования Одессы. Связанный с Каменским упомянутый флигель, что замечательно, сохранился по сегодняшний день – справа во дворе дома № 5 по переулку. Это типологическое строение 1800-1810-х годов – мощное, достаточно высокое, хотя и одноэтажное, с масштабными сводчатыми подвалами в цокольном этаже. Как ни удивительно, но аналогичные сооружения можно и сегодня обнаружить в историческом центре – например, дом Ф.М. де Рибаса в Малом переулке (кафе «Зося»). То есть первичный дом Шостаков, купленный Кокленом и Шарпантье, можно буквально потрогать руками! Впрочем, в перестроенном виде частично сохранился и первичный дом по Преображенской (ныне № 12, правый, двухэтажный).

Коклен далеко не сразу получил купленные строения в единоличное владение: так, в архивном перечне домовладельцев на 1832 год они по-прежнему числятся за «Кокленом и Шарпантье». Однако в одной из архивных описей от 25 июня 1833 года «француз Коклен» как будто упоминается уже как единоличный владелец.¹⁰ Архивный документ от 2 сентября того же года однозначно подтверждает это предположение. В рапорте Одесскому строительному комитету архитектор Боффо сообщает: «Составленный мною по просьбе французского подданного Варфоломея Коклена план на построение дома на месте, состоящем в г. Одессе, в 1-й части, под № 732-м, принадлежащем к существующему уже на оном одноэтажному дому, ему принадлежащему, при сем оному комитету в три экземпляра на утверждение имею честь представить».¹¹ Тут же прилагается и сказанный план дома Коклена.¹²

Дела его – уже как ведущего, остро востребованного эксклюзивного мебельщика – быстро пошли в гору на фоне строительного бума, когда, в соответствии с предписаниями Строитель-

«Ситуационный план»
дома на Внешнем бульваре

«Ситуационный план» достройки
«Дома с петухом»

ного комитета, по центральным улицам вообще запретили строить одноэтажные дома. Коклен делал мебель на заказ не только для горожан, но и для всего южного региона, используя экзотические породы дерева. Изготовленные им секретыры, комоды, столы, серванты, вешалки украшали собой как дома и виллы одесских аристократов и буржуа, так и барские особняки в глубинке.

Вернемся к нашей Ришельевской – средоточию мебельных магазинов, устроенных по европейскому образцу. В середине 1830-х в Одессе насчитывалось около десятка значимых мебельных заведений. Половина из них обслуживала неприятельное патриархальное купечество и мещанство, тяготеющее к Старому базару, Александровскому проспекту и их орбите. Когда продвинутая, как нынче говорят, молодежь говорила о ретроградах, то именовала их «старобазарцами», сама же предпочитала магазины с французскими и итальянскими вывесками по Ришельевской, а впоследствии и по Дерибасовской. Там и находились новомодные мебельные салоны – немцев Мальмана (семейство известного впоследствии художника), братьев Стаппельберг, Фридланда: все три по Ришельевской, причем первого – в собственном доме, Геммерле – на Дерибасовской, где был «Дом книги»¹³. По этой

причине Коклен много лет арендовал дом известнейшего в городе греческого семейства Карузо¹⁴, стена в стену с Мальманом (снова не убоился, на этот раз – конкурента), на углу Почтовой (на этом месте построен дом, где жили Бабели – тоже отец и сын).

Многие годы Варфоломей Коклен – неоспоримо первый из одесских мебельщиков. В любом реестре или справочнике вопреки алфавитному порядку он всегда возглавляет список. Когда в 1837 году Воронцов ожидал визита императорской четы, то специально устроил первую в городе и регионе художественно-промышленную выставку, на которой экспонировались изделия и продукция лучших мастеров своего дела – ювелиров, художников, ремесленников, сельских хозяев. Организована она была в самом представительном и обширном тогда доме Крамаревых (где гораздо позднее возвели «Пассаж»). Так вот Коклен в числе лучших из лучших удостоился чести представлять здешних мебельщиков императору Николаю Павловичу, его августейшей супруге и многим другим высокопоставленным лицам.¹⁵ В те же годы в его салоне были широко представлены фортепьяно известных зарубежных фирм, которые он отдавал и в арендное пользование.¹⁶ Как раз в 1837-м у «мебельщика Коклена» приобрели «для залы одесской Биржи два канделябра за 350 рублей». В документах из соответствующего архивного дела есть его автограф: *Soquelin*¹⁷. Он принимал и другое участие в меблировке этого значимого общественного здания.

Еще один немаловажный эпизод. Когда в начале 1840-х годов упоминавшееся выше плац-парадное место назначили под застройку «красными лавками», Варфоломей Коклен в числе первых застройщиков подал прошение об отводе ему места.¹⁸ Будущий Пале-Рояль планировался как элитарный торговый центр взамен патриархальных Гостиных (Красных) рядов на Александровском проспекте близ Старого базара, функционировавших с конца XVIII столетия меж Троицкой и Почтовой улицами. Красным товаром называли не только высококачественную мануфактуру, но и в целом предметы роскоши – ювелирные изделия, так называемые военно-офицерские и церковные вещи, галантерею, оптику, лампы, эстампы, мебель, столовое белье, фарфор, фаянс и проч. Пале-Рояль себя оправдал, а затем возникли более совре-

менные торговые центры – Дом Вагнера, «Пассаж», «Малый Пассаж» (где «Ирландский паб»). В архивном деле о «красных лавках» имеются подлинные автографы В. Коклена.

В начале 1840-х годов, когда Софиевская улица и начало Преображенской, выражаясь языком современных риэлтеров, обрели статус «тихого центра», где обитал весь местный нобилитет (княжна Кантакузин, барон Рено, генеральша Арсеньева, графиня Нарышкина, семейства Скаржинских, Кирьяковых, Кумбари, Дитерихс, Мещерских и др.), Коклен мог позволить себе перенести заведение с Ришельевской в собственный магазин по Преображенской¹⁹. Согласно ведомости на 1848 год, дом (жилой, флигель по переулку) и магазин оценены в 11.020 рублей.²⁰ Это немало. Для сравнения: сохранившийся с тех пор дом Прокопеуса («Два Карла») оценен в 15.000 рублей. Множество из находившихся тогда в самых престижных местах зданий оценено в два-три раза ниже.²¹

В ходе подготовки монографии об истории Старого городского кладбища я тщательно отбирал в ретроспективных СМИ ранние некрологи. В середине позапрошлого века они были еще относительной редкостью: поминали, в основном, людей служивых, а некрологи, помещенные за плату, только-только начинали входить в обиход. Неудивительно, что сообщений о смерти Коклена не нашлось. Однако это не помешало довольно точно датировать его кончину по косвенным данным. Как уже было сказано, он еще упоминается в ведомости владельцев недвижимости на 1848 год, составленной, очевидно, в 1847-м или немного ранее. Кроме того, числится в реестре одесских мебельщиков, составленной не позднее 1 сентября 1847 года²², то есть наверняка еще жив. С другой стороны, его уже нет в перечне мебельщиков, составленном не позже 4 августа 1848 года.²³ Вот хронологические рамки, вмещающие его кончину.

Приняв это во внимание и сообразуясь с накопленным опытом, я пришел к выводу о том, что наследник должен был как-то распорядиться оказавшимся в его распоряжении товаром, в первую очередь, мебелью. Если так, то должна была последовать, как это практиковалось, большая распродажа из отцовского салона. Тогда, в свою очередь, надо искать синхронные газетные

объявления об этом коммерческом мероприятии. Мне и в голову не могло прийти, что сын покойного, Федор (Фредерик) Коклен, известный нам как блестящий архитектор, мог поступить иначе, а именно продолжить дело своего отца.

Так или иначе, а сама стратегия поиска вполне себя оправдала. В одном из октябрьских номеров местной газеты за 1848 год я обнаружил следующее рекламное объявление: «Мебельный магазин в Одессе Коклена не прекратил своих действий, а напротив, увеличил их под управлением Коклена сына. Все требования – как городских, так и иногородних, готовых и вновь заказываемых мебели, будут выполняемы во всем совершенстве и в последнем вкусе. Притом имеется красное, ореховое и палисандровое дерево, и продаются по сходным ценам. Заведение находится в собственном доме Коклена, на Преображенской улице».²⁴ То есть речь идет опять-таки о магазине, а не о жилом флигеле.

Общеизвестно²⁵: младший Коклен учился в Париже, окончил Королевское художественное училище, а в 1853 году получил звание внеклассного художника Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге. Это вовсе не означает, что он учился в Академии. Переходя на современный язык, можно констатировать: его просто-напросто сертифицировали, как это водилось (так было со многими одесскими зодчими, например, с тем же Моранди), на основании представленного высокопрофессионального проекта – городских ворот с гауптвахтой и домов для таможенной команды. Это был типологически «одесский проект», который, возможно, предполагалось осуществить. В самом деле, такая задумка вполне могла быть реализована на Херсонской таможенной заставе, при главном въезде в город со стороны тракта на Николаев и Херсон.

Неясно другое: когда именно он учился в Париже? До или после кончины отца? «Список русских художников»²⁶, откуда, собственно говоря, все и черпают информацию, об этом умалчивает, а до Парижа не близко. Стал ли бы заниматься мебельным бизнесом парижский выпускник? На первый взгляд, вряд ли. Но я этого не исключаю. Потому что хороших зодчих в Одессе очень даже хватало, и Коклену поначалу ничего не светило. А вот продолжить великолепно раскрученный бизнес-проект соблазнительно.

Как бы то ни было, а дело как будто пошло не сразу: ни в 1849-м, ни в самом начале 1850-х мы не видим Ф.В. Коклена в списках одесских мебельщиков²⁷. Однако уже с 1852-го он прочно закрепляется в этих реестрах.²⁸ Это отлично согласуется с архивными материалами 1851-го²⁹ и 1852-го³⁰ годов: в статусе купца (!) Коклен фигурирует как застройщик (фактически вторично перестраивался уже существующий отцовский дом) своего места на углу Преображенской и переулка, об эволюции названия которого будет сказано ниже. Какое участие принимал в перепланировке этого сооружения известный зодчий Иван Козлов, а какое сам домовладелец, сказать трудно. Однако без него, конечно, не обошлось: декоративный петух над подворотней, и тот наводит на определенные размышления. Стало быть, мебельный бизнес сперва приостановился не по неумению бизнесмена, а по причине домостроительства. Новый владелец явно стремился улучшить архаичное строение, придать ему лоск.

В связи со всеми этими обстоятельствами напрашивается нехитрый вывод. На рубеже 1850-х Коклен уже имел соответствующее образование, и начал архитектурную практику с переустройства собственного дома. Столкнувшись в 1851-1852 годах с обременительными формальностями, озаботился получением «российского диплома», для чего и подал проект ворот с прочими причиндалами в Академию, в результате чего получил желанную бумагу.

Дальнейшие разыскания покажут, насколько я прав, но в любом случае на поприще практического зодчества Ф.В. Коклен пришел не ранее 1850-х. И тут поделюсь одним любопытным наблюдением. Работая в фондах Одесского государственного историко-краеведческого музея, наткнулся на план первого этажа дома Абазы по Итальянской улице. Теперь это здание Музея западного и восточного искусства, выдающийся памятник архитектуры. Проектировщиком небезосновательно считают Л.Ц. Отона, сына воспетого Пушкиным французского ресторатора (непонятно, какого черта в этой фамилии удваивают «т», – ведь это не римский император). А на сказанном плане, который условно датируют 1850-ми годами, стоит подпись... Коклена.³¹

Как это понимать? Остаются предположения, но предположения обоснованные. Обе французские семьи не могли не быть свя-

Фонд № 59
Опись № 2
Дело № 7682

1643

№ 238.

16155

Дело

Сводная выписка из протоколов Комитета
по устройству Сводного Замка для
улица Петра Коклена о благоустро-
енности фасада на постройку по
спешному делу.

Начальник И. Давыдов 1851 г.

Фонд № 59
Опись № 2
Дело № 7682

3 листа

Проверено
документы, с лежащих
каталогизации, нет
Дата 1890 г. Подпись

Архивное дело 1851 г. об утверждении фасада на дом Коклена

заны: отцы и дети, несомненно, дружили, или, по крайней мере, приятельствовали. У кого, скажем, мог заказывать салонную мебель знаменитый ресторатор Отон, как не у лучшего в Одессе краснодеревщика, да еще соотечественника? А где мог по-человечески отобедать Коклен, содержащий свою торговлю на той же улице? По-моему, тут все очевидно, тем более что французская колония была не особенно многочисленна. Подобные же отношения наверняка связывали и их сыновей – не только сверстников, но и коллег. Подпись Коклена указывает на его непосредственное участие в составлении проекта. Что удивительного в том, что Отон дал подработать товарищу, да к тому же единомышленнику? Оба архитектора – представители французской школы, в основном использовавшие одни и те же стилистические приемы.

Многолетняя частная практика Коклена в Одессе также заслуживает серьезного изучения. В реестр объектов культурного наследия входит построенный по его проекту в 1878 году дом Черепенникова, представителя старинной купеческой фамилии, по улице Пушкинской, № 16.³² Атрибутирован и другой объект, старый двухэтажный дом с мансардой семейства греческих купцов-старожилов Косифо (Косифо, Косифи) на углу улиц Успенской, № 18, и Канатной. Историк архитектуры В.И. Тимофеенко пишет о том, что Коклен построил немало других доходных домов и особняков.³³ Атрибуцией их еще предстоит заниматься. В их числе, между прочим, и собственные доходные дома Коклена, построенные им на Нарышкинском спуске (по косвенным данным, не позднее 1861 года), ниже улицы Ольгиевской и Валиховского переулка.³⁴

Относительно эволюции принадлежавшей Коклену недвижимости. Определенное представление о ее инфраструктуре может дать изучение архивного дела от 5 марта 1873 года «Об измерении дворовых мест архитектора Коклена, показанных на плане, составленном землемером Крыловым, несогласно документам»³⁵. Вероятно, речь идет о плане города, составленном Крыловым в 1864 году³⁶, где габариты дворовых мест Коклена не соответствуют указанным во владельческих документах. Это обычный в практике тех лет случай – изначально места нередко

отводились на глазок, вследствие чего в дальнейшем возникали проблемы, впрочем, разрешимые.

Занимательно, что довольно продолжительное время младший Коклен оставался в купеческом звании. Мебельным бизнесом занимался до 1860 года: в 1857-1859 годах числится в этой отрасли, а далее уже нет³⁷. В списке частных колодцев, составленных в 1861 году, один из них, «на Пересыпи», значится принадлежащим «купцу Коклену». К Пересыпи тогда относились и приморские территории, примыкавшие к нынешнему Нарышкинскому (Маринеско) спуску, где находилось и два принадлежавших Коклену дома. То есть совершенно очевидно, что колодец прокопали на спуске, причем на довольно значительную глубину – восемь сажень (чуть больше 17-ти метров), ибо непосредственно на Пересыпи, в низине, глубина колодцев не превышала 2,5 сажени³⁸. Коклен также владел большим магазином по Внешнему бульвару: место досталось ему по купчей крепости, а 11 декабря 1851 года Комитет утвердил план на постройку двухэтажного сооружения в 11 окон и двух дверей по фасаду³⁹.

Еще о мемориалах «Дома с петухом». Поскольку архитектор принимал заказчиков на дому, постольку здесь перебивали многие представители местной элиты, члены Строительного комитета, коллеги, представители французского «одеколлона», соответствующего благотворительного общества, в котором сотрудничал и сам архитектор. Большая часть обширного дома сдавалась под жилье, офисы, заведения. Из приметных жильцов назовем Софью Рубинштейн – сестру выдающегося композитора Антона Рубинштейна, отменную пианистку и вокалистку. Обитала она в квартире, носившей тогда № 10, ежедневно давала уроки пения.⁴⁰ Ее неоднократно навещал во время визитов в Одессу не только знаменитый брат, но и вся интеллектуальная элита города. Сюда же приходил друживший с ней небезызвестный узник Шлиссельбургской крепости легендарный Герман Лопатин, племянница Н.Я. Шведова, известная благотворительница, супруга авторитетного университетского профессора Ф.Н. Шведова, и др. Приписываемая Коклену дружба со знаменитым французским актером-тезкой лично мне представляется сомнительной: во всяком случае, первые

его гастроли в России относятся лишь к 1882 году, когда наш домовладелец уже ушел из жизни.

Сведения об архитекторе, как это ни странно, еще более скудны, нежели об отце, жившем в достаточно отдаленную эпоху. Мы пока ничего не знаем о его матери, как и о супруге, а сведения о детях довольно смутны. Мы знаем только, что в 1880-1881 годах в Рисовальной школе Одесского общества изящных искусств учился Альфред Коклен⁴¹, очевидно, сын Федора Варфоломеевича. Здесь уместно напомнить: Ф.В. Коклен на протяжении многих лет был активным членом этого общества⁴², и даже временно входил в состав его совета⁴³. Он был, что называется, в авторитете – избирался оценщиком недвижимости (то есть оценивал здания и сооружения для назначения налога с недвижимости в городской бюджет), членом Аукционной камеры (то есть контролировал аукционные продажи за долги), членом Французского благотворительного общества⁴⁴.

Пока не установлена и точная дата кончины В.Ф. Коклена. Как практикующий архитектор он отмечен в справочниках 1860-1870-х и рубежа 1870-1880-х⁴⁵: последнее разрешение цензуры получено на публикацию сборника, в котором он упоминается, 23 декабря 1880 года⁴⁶. В отчете Общества изящных искусств, цензурное разрешение на который получено 20 марта 1881 года, Коклен уже не значится⁴⁷, как и в последующих отчетах и справочниках⁴⁸. В сохранившихся местных газетах 1880-х годов мне не удалось разыскать некролог, что довольно странно: представитель известной фамилии, да еще архитектор. Если бы он скончался даже за границей, то и тогда следовало ожидать типологического некролога и (или) сообщения о панихиде в римско-католической церкви. Снова получаем хронологически несколько размытые границы. В ближайшем перечне домовладельцев (1884) фигурирует просто Коклен⁴⁹, тогда как позднее – «наследники Коклена» (в числе каковых, очевидно, был и Альфред), то есть кончина его в это время – относительно свежее событие.

Далее, на протяжении многих лет недвижимость покойного архитектора числится за «наследниками Коклена»⁵⁰, однако позднее «Дом с петухом» параллельно значится за некоей Матильдой Фридриховной Смельс⁵¹, каковая остается в этом ка-

честве до самой революции. О Смелсах я в принципе кое-что знаю. Это были подданные Дании, в Одессе с начала 1880-х совместно с семейством Ильс владели экспедиционной и пароходной конторой, были агентами «Датского соединенного пароходного общества»⁵². Пароходство это пользовалось рядом привилегий, которые предоставлялись исключительно российским компаниям. Его суда совершали регулярные рейсы меж портами Балтики и Черного моря с заходом в Копенгаген, Антверпен и Константинополь⁵³. Смелсы владели недвижимостью в городе и градоначальстве⁵⁴.

Какой вывод напрашивается? Пока лишь единственный. Поскольку аутентичное, так сказать, имя Федора Варфоломеевича Коклена – Фредерик (Фридрих), можно предположить, что Матильда Фридриховна – его дочь, в замужестве Смелс. Надеюсь, дальнейшие разыскания позволят прояснить и эту страницу биографии семейства.

В заключение – необходимые пояснения, имеющие отношение к адресу «Дома с петухом». Прежде всего замечу, что менялась его нумерация. Со второй половины 1900-х годов он носил № 12 по Преображенской, где, как известно, левая сторона улицы четная. Ранее, в хронологической последовательности, нумерация менялась: № 6, № 8, № 10. А по переулку – № 5, затем № 7. Поразительно, однако грубая ошибка первой половины 1870-х годов изменила и наименование самого переулка, который три четверти столетия именовался Малым, а затем его перепутали с Казарменным (впоследствии – Малым). Ошибка возникла в результате неправильной смены уличных указателей, а затем закрепления переименованных названий на высочайше утвержденном генеральном плане Одессы. Возмущению горожан не было предела, что нашло широкое отражение на страницах газет⁵⁵. Доходило до того, что вызванный к больному жильцу дома Коклена доктор приходил не по тому адресу⁵⁶. Однако написанное пером не вырубалось топором, да так постепенно и закрепилось в городской топонимии.

Этимология первоначальных названий вполне понятна. Прежний Малый переулок как бы служил продолжением Софиевской улицы, а потому звался Малым Софиевским, позднее –

просто Малым. Казарменный же вел к офицерским флигелям, в просторечии именуемым казармами, каковые, как я уже говорил, составляли правую по ходу из города сторону нынешней улицы Гоголя⁵⁷.

Впрочем, функциональность названий практически не потеряла смысла: бывший Малый переулок фактически тоже вел к казармам, а бывший Казарменный – сам по себе мал.

Возвращаясь к прологу, подчеркну: отец и сын Коклен, несомненно, достойны благодарной памяти одесситов. Я включил сведения о них в монографию, посвященную истории Старого городского кладбища⁵⁸, где, очевидно, оба и нашли свое вечное упокоение (хотя памятники погоста варварски уничтожены, однако могилы-то, в основном, на прежних позициях). Намерен отразить информацию об этом семействе в пролонгированном проекте Всемирного клуба одесситов «Они прославили Одессу» и др.

Р. S. Когда этот текст был уже написан, я обнаружил в одной из описей фонда Одесской городской управы название утраченного архивного дела на 32-х листах от 19 мая 1879 года: «О найме дома наследников Коклена под помещение штаба 8-го корпуса»⁵⁹. Следовательно, Ф.В. Коклен ушел из жизни не в самом начале 1880-х, а немного ранее.

Примечания

¹ Государственный архив Одесской области (ГАОО), фонд 59, опись 1, дело 165, лист 27.

² Там же, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 449-455.

³ Там же, д. 281, л. 196.

⁴ Там же, д. 286, л. 338.

⁵ Одесский государственный историко-краеведческий музей (ОГИКМ), инвентарный номер К-600.

⁶ Там же, № К-602.

⁷ Там же, № К-605.

⁸ Архив князя Воронцова, книга XXXVII. – М., 1891, с. 195, 196, 201, 205.

⁹ Одесская старина. – Одесса, 1869, с. 55-56.

¹⁰ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1800, 199 л.

- ¹¹ Там же, д. 1800, л. 28.
- ¹² Там же, л. 32.
- ¹³ Новороссийский календарь (НК) на 1837 год. – Одесса, 1836, с. 165. НК на 1838 (1837), с. 147.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Олег Губарь. 100 вопросов «за Одессу». – Одесса: «Киноцентр», 1994, с. 71.
- ¹⁶ НК на 1838 (1837), с. 148.
- ¹⁷ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2237. – 7 л.
- ¹⁸ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 2609.
- ¹⁹ НК на 1842 (1841), с. 283.
- ²⁰ Список домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г.
- ²¹ Там же.
- ²² НК на 1848 (1847), с. 334.
- ²³ НК на 1849 (1848), с. 335.
- ²⁴ Одесский вестник (ОВ), 1848, № 85, 23 октября.
- ²⁵ См., например: В. Тимофісно. Зодчі України кінця XVIII – початку XX ст. Біографічний довідник. – Київ: НДІТІАМ, 1999, с. 190 (187).
- ²⁶ /С.Н. Кондаков/. Список русских художников. К юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. – /СПб, 1914/, с. 342.
- ²⁷ НК на 1849 (1848), с. 335. НК на 1850 (1849), с. 323.
- ²⁸ НК на 1853 (1852), с. 376. НК на 1854 (1853), с. 363. НК на 1855 (1854), с. 356, 365. НК на 1856 (1855), с. 366, 375. НК на 1857 (1856), с. 380, 389. НК на 1858 (1857), с. 402, 411.
- ²⁹ ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 1643, 32 л.
- ³⁰ Там же, д. 1666, 10 л.
- ³¹ ОГИКМ, инвентарный № К-311.
- ³² № 580-91/452 по реестру объектов культурного наследия.
- ³³ В. Тимофісно, там же.
- ³⁴ К. Висковский. Путеводитель по городу Одессе. – Одесса, 1875, с. 55.
- ³⁵ ГАОО, ф. 16, оп. 49, д. 88, 3 л.
- ³⁶ ОГИКМ, инвентарный № К-621.
- ³⁷ НК на 1859 (1858), с. 407, 416. НК на 1860 (1859), с. 420, 431. НК на 1861 (1860), с. 392, 396.
- ³⁸ Труды Одесского статистического комитета. Вып. 1. – Одесса, 1865, с. 97.
- ³⁹ ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 1643. – 3 л.

- ⁴⁰ ОВ, 1869, № 228, 16 октября.
- ⁴¹ Отчет о деятельности Одесского общества изящных искусств за 1880 год. – Одесса, 1881, с. 24. Отчет о деятельности Одесского общества изящных искусств за 1881 год. – Одесса, 1882, с. 28.
- ⁴² Отчеты Одесского общества изящных искусств 1860-1870-х годов.
- ⁴³ НК на 1871 (1870), с. 102. НК на 1872 (1871), с. 107.
- ⁴⁴ НК на 1872 (1871), с. 6, 114, 118. НК на 1873 (1872), с. 9.
- ⁴⁵ Путеводитель по городу Одессе. – Одесса, 1867, с. 97. Адрес-календарь Одесского градоначальства (АКОГ) на 1877 и др. Памятная книжка Одесского градоначальства (ПКОГ) на 1878, с. 141. ПКОГ на 1880, с. 262.
- ⁴⁶ Отчет о деятельности Одесского общества изящных искусств за 1879 год. – Одесса, 1880, с. 26.
- ⁴⁷ Отчет о деятельности Одесского общества изящных искусств за 1880 год. – Одесса, 1881.
- ⁴⁸ АКОГ на 1884-1887. Отчеты о деятельности Одесского общества изящных искусств за 1880-е годы.
- ⁴⁹ К. Висковский. Путеводитель по городу Одессе. – Одесса, 1884, с. 43, 53, 72.
- ⁵⁰ «Адресная и справочная книга г. Одессы» в изданиях Л.М. Лукашевского и «Вся Одесса» в изданиях В.К. Фельдберга 1890-1900 гг.
- ⁵¹ Вся Одесса (ВО) на 1911 год, ч. 4, ст. 90, 194. ВО на 1914, ч. 3, с. 377; ч. 4, ст. 100, 218.
- ⁵² К. Висковский. Путеводитель по городу Одессе. – Одесса, 1884, с. XLII.
- ⁵³ В. Коханский. Одесса за 100 лет. – Одесса, 1894, ч. 2, с. 89.
- ⁵⁴ Л.М. Лукашевский. Адресная и справочная книга г. Одессы на 1896 год, с. 101, 105. Тот же справочник на 1897, с. 143, 151. В.К. Фельдберг. Вся Одесса на 1900 год, с. 148.
- ⁵⁵ ОВ, 1874, № 53, 6 марта. ОВ, 1875, № 185, 22 августа.
- ⁵⁶ ОВ, 1875, № 272, 13 декабря.
- ⁵⁷ Офицерские флигеля обозначены на упоминавшихся выше планах, а равно и на других – 1811, 1814 гг.
- ⁵⁸ Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012.
- ⁵⁹ ГАОО, ф. 16, оп. 55, д. 352. – 32 л. (утрачено).

Фотографии Натальи Евстратовой

